

Мысль Вэнь Юаня родилась внезапно, однако следующие полдня они провели за усердными занятиями. Один терпеливо учил, другой — жадно впитывал знания; оба подошли к делу со всей серьезностью.

Особенно Му Шэн.

Он был ровесником Му Чэня. До его появления на свет у главы клана Му уже подрастало несколько бастардов — сыновей и дочерей от наложниц. По заведенному в семье обычаю, когда им исполнялось пять-шесть лет, их начинали обучать азам боевых искусств, ставя базовые удары.

Как и говорил Вэнь Юань, даже тем, кто еще не сумел направить ци в тело, обычные физические тренировки шли на пользу, укрепляя плоть и дух. К тому же путь воинских искусств и путь совершенствования во многом перекликались.

Принято считать, что ранние тренировки помогают лучше чувствовать собственное тело, свои меридианы и кости. Иными словами, такому человеку куда проще направлять духовную энергию и пробивать заблокированные заставы, когда ци наконец войдет в его плоть.

Будучи великой семьей совершенствующихся, клан Му ревностно оберегал это негласное правило.

Но к тому времени, как Му Шэну исполнилось пять лет, заведенный порядок рухнул.

И дело было вовсе не в том, что его мать умерла в день родов. Из-за этого Му Шэн, в отличие от старших братьев и сестер, остался без материнской заботы. У тех-то матери, пусть и бесправные наложницы, все же пеклись о своих детях и могли выхлопотать для них хорошего наставника. Причина оказалась куда прозаичнее: детей от наложниц попросту перестали учить боевым искусствам.

Тогда мальчик еще не понимал, почему все изменилось. Он видел лишь, как старшие братья и сестры вместе со своими матерями-наложницами пытались протестовать. Женщины пускали в ход любые уловки, заманивая к себе главу клана в надежде упросить его вернуть наставников. Но все их старания оказались тщетны.

Но это было еще полбеды. В последующие месяцы еда в их дворе стала отвратительной до тошноты. Под горячую руку попал и Му Шэн, хотя он даже близко не соприкасался со всеми этими дрязгами.

Именно в те дни он впервые и встретил Вэнь Юаня.

Осознав, что они окончательно лишились отцовской милости, старшие братья и сестры отчаянно искали виноватых. Им нужен был громоотвод, и Му Шэн подошел на эту роль как нельзя лучше. Даже в захудалом дворе наложниц ребенок, оставшийся без матери, казался легкой добычей, которую можно безнаказанно пинать.

К тому же от матерей они слышали, что законная госпожа больше всего на свете презирала покойную родительницу Му Шэна.

«Может, мы теперь так паршиво живем как раз из-за этого отродья?» — думали они.

Скудные крохи еды бесследно исчезали, в постели то и дело появлялись дохлые крысы и птичьи трупы, а с крыши пропадали черепица. К этому Му Шэн привык и терпел. Но сводные братья не унимались: они в открытую хватали его и тащили в заброшенные, глухие уголки поместья, подальше от чужих глаз.

В те дни мальчик сам, без чужой помощи, постиг горькую науку: как вести себя во время побоев, чтобы уберечься от самых страшных травм.

Нужно было сесть на корточки, закрыть голову руками и сжаться в комок, изо всех сил оберегая живот и виски от чужих сапог.

А после — просто ждать. Ждать, пока иссякнет чужая ярость, боль отступит, а мучители наконец уберутся прочь.

Но в один прекрасный день мучение прекратилось куда быстрее, чем он ожидал.

Му Шэн растерянно лежал в пыли, разглядывая происходящее сквозь щели между плотно прижатыми к лицу предплечьями.

Впереди стоял незнакомый мальчишка. Он мертвой хваткой вцепился в ворот его сводного брата, который был выше его на целую голову, и спокойно спрашивал:

— Ты что это делаешь?

Тот задержался, сгорая от стыда перед своей свитой, но вырваться из стального захвата не смог. Ему не оставалось ничего другого, как закричать, пряча испуг за напускной злобой:

— Пусти! Тварь, ты хоть знаешь, кто я такой?!

В клане Му одежда каждого слуги и господина подчинялась строжайшему уставу. Пусть госпожа Ван и выделяла для детей наложниц самую дешевую ткань, покрыв их одеяний безошибочно выдавал в них членов правящей семьи.

По той же причине малолетние мучители сразу смекнули: перед ними стоит оборвыш из сословия челяди.

Обычный раб, который, повзрослев, будет целовать им подошвы сапог.

Эта мысль мгновенно вернула наглецу былую спесь. Все еще беспомощно висая в руках Вэнь Юаня, он уже вовсю сыпал угрозами:

— За то, что ты творишь, я тебе жизни не дам, когда подрасту!

Спустя много лет Му Шэн ловил себя на мысли, что до сих пор отчетливо, во всех красках помнит тот день и каждое слово, слетевшее с губ шестилетнего Вэнь Юаня.

— Надо же, целый молодой господин, — лениво протянул мальчик, и в его голосе зазвучала откровенная, издевательская усмешка. — Вот только тот, кто сейчас валяется в грязи у твоих ног, кажется, тоже из молодых господ.

Сводный брат задрал подбородок еще выше:

— То-то же, знай свое...

Договорить он не успел. Вэнь Юань сделал нечто такое, от чего у задиры мгновенно перехватило дыхание.

— А как думаешь, если я расскажу об этом главной госпоже? — Вэнь Юань притянул его к себе почти вплотную, заносая над лицом тяжелый кулак. — Что она сделает с тобой тогда?

Сводный брат опешил.

Для безродных бастардов главная госпожа была недостижимой, грозной фигурой, от решения которой зависела их жизнь. Именно она распоряжалась каждым медным грошом, едой и одеждой для них и их матерей. Ей стоило лишь бровью повести — и о занятиях боевыми искусствами можно было забыть навсегда.

Но и это еще не все.

Скудное варево на их столах, ветхое платье, горькие слезы матерей по ночам и тот холодный, раздраженный взгляд, которым их в последнее время одаривал отец — все могло стать еще хуже.

Наглец испугался, но до конца поверить словам грязного оборвыша не мог. Он уставился на

мальчишку со злобным отчаянием:

— Да как ты смеешь, паршивый пес, грозить мне именем главной госпожи?!

— Моя матушка прибирается в личных покоях госпожи Ван, — ледяным тоном ответил Вэнь Юань.

Сводный брат онемел.

Назовись этот оборванец сыном личной доверенной служанки госпожи Ван, сводный брат ни за что бы не поверил. Он бы поднял крик, велел выпороть нахала, а после попытался бы выкрутить ситуацию в свою пользу и выслужиться перед законной супругой отца.

Все знали, что госпожа Ван щедро осыпает милостями своих слуг. Его собственная мать часто плакала по ночам: пускай она и считалась наложницей главы клана, но жила и одевалась хуже, чем последние девки-служанки при госпоже.

Сын личной служанки не стал бы разгуливать в залатанном тряпье и с вечно спутанными, грязными волосами.

А вот сын обычной поломойки — это объяснение выглядело куда правдоподобнее.

И пускай она была лишь грязной уборщицей, она все равно крутилась подле покоев госпожи Ван и могла невзначай обмолвиться словом. Если бы слух дошел до хозяйки, им бы не поздоровилось.

Сводный брат прекрасно понимал: госпожа Ван не станет заступаться за ублюдка, лежащего в грязи. Матушка не раз повторяла, что с самого рождения Му Шэна госпожа терпеть не могла этого выродка, появившегося на свет почти одновременно с ее родным сыном, Му Чэнем. Однако властная женщина с удовольствием использует этот случай как предлог, чтобы в очередной раз растоптать его самого и его мать.

Малолетний задира сдался.

Прихватив за собой свиту подельников, он торопливо зашагал прочь, скрывшись среди бурьяна заброшенного двора.

С трудом поднявшись на ноги и отряхивая налипшую грязь, Му Шэн неверящим взглядом проводил их спины. Лишь когда они скрылись из виду, он вспомнил о своем спасителе и повернулся к нему. Мальчик смотрел на него с нескрываемым беспокойством.

«Он сын служанки при дворе главной госпожи!»

От этой мысли Му Шэн преисполнился благоговения и поспешил вежливо, со всей искренностью поклониться спасителю.

От такой почтительности его спаситель даже опешил. Он торопливо отмахнулся:

— Брось, не стоит благодарности. Не принимай близко к сердцу. — Но тут же, словно не выдержав вида его плачевного состояния, с досадой прибавил: — Послушай, ты ведь все-таки молодой господин! Как ты позволяешь им так с собой обходиться?

Му Шэн тихонько вздохнул и с обезоруживающей честностью ответил:

— Я слабее. Не могу с ними справиться.

Вэнь Юань с досадой всплеснул руками:

— Так пожалуйся старшим!

Му Шэн покачал головой:

— Некому. — Он замялся, но его глаза вдруг слабо блеснули надеждой. — Послушай, ты ведь сказал, что твоя матушка...

Вэнь Юань как-то странно замялся, и выражение его лица стало натянутым:

— Да, убирается. Только на самом деле ей не так-то просто заговорить с госпожой Ван с глазу на глаз.

Му Шэн прекрасно все понял.

Лишь много позже, когда они сблизились, Му Шэн осознал, какая горькая правда скрывалась за той заминкой. Не было у Вэнь Юаня никакой матери, прислуживающей госпоже Ван. Благородные женщины-заклинательницы во время родов были окружены заботой, редкими снадобьями и защитными артефактами. Обычные же служанки рожали в темных каморках, имея при себе лишь таз с водой, ржавые ножницы да огарок свечи.

Прокалить ножницы над пламенем огарка — вот и вся подготовка, вершина дозволенной им роскоши.

Если бедняге не везло и она не доживала до рассвета, ее кончину объявляли дурным знамением и спешили поскорее избавиться от тела. Мать Му Шэна, будучи хоть и бесправной, но все же наложницей главы клана, после смерти обрела покой на семейном кладбище.

Тела же безродных служанок просто швыряли в общую яму на растерзание бродячим псам.

Но тогда маленький Му Шэн понимал лишь одно: требовать от простой поломойки, чтобы она рисковала жизнью ради него перед господами, было верхом жестокости.

Му Шэн не стал настаивать. Он еще раз искренне поблагодарил спасителя, после чего отыскал поблизости плоский валун, присел на него и, закатав рукава залатанной рубахи, принялся бережно осматривать новые синяки.

Вэнь Юань помялся немного и уселся рядом. Сдвинув брови, он тихо спросил:

— А домой ты почему не идешь?

— Рано еще, — вздохнул Му Шэн. — Если вернусь сейчас, они могут выследить меня у комнат и довершить начатое. А ты сам почему не уходишь?

— Ну и ну... — Вэнь Юань окинул его взглядом, полным искренней жалости. Помолчав немного, он решительно добавил: — Слушай, если эти гаденыши снова полезут к тебе с кулаками, беги сразу сюда.

Му Шэн не сразу сообразил, к чему тот клонит. Лишь столкнувшись с серьезным, твердым взглядом Вэнь Юаня, он удивленно спросил:

— Ты что, всегда будешь приходить сюда?

— Ага, буду, — просто кивнул Вэнь Юань.

В то время его отец убирал соседний пустующий двор и брал сына с собой. Вэнь Юань слонялся без дела по заброшенным закоулкам усадьбы, где не было хозяев, просто чтобы убить время.

Отцу нужно было лишь одно: чтобы малец не путался под ногами у господ и не накликал на их головы беду.

Так было, пока отец оставался жив. Позже мужчина допустил какую-то ничтожную ошибку и поплатился за это — хозяин забил его до полусмерти. Спустя десять лет та же участь постигнет и самого Вэнь Юаня. Но в отличие от сына, отец не был молод, не отличался крепким здоровьем и не имел счастья направить ци в тело. Силы духа не хватило, чтобы залечить раны за одну ночь, встать и как ни в чем не бывало пойти работать дальше.

Он испустил дух в самый обычный, ничем не примечательный день. Смерть безвестного слуги не всколыхнула поместье: кроме Вэнь Юаня и Му Шэна, ее попросту никто не заметил.

Вскоре после похорон Вэнь Юаня перевели прислуживать во двор Му Чэня.

Сводные братья и сестры со временем оставили Му Шэна в покое. Они смекнули, что это бессмысленно: пока родной сын госпожи Ван, Му Чэнь, успешно поглощал ци и поднимался в рангах, хозяйка дома и не думала отменять свой запрет на их тренировки.

Но это заброшенное место, где когда-то впервые пересеклись пути маленького слуги и гонимого бастарда, так и осталось за ними. Их тайное прибежище уцелело и сохранило свой первозданный вид вплоть до сегодняшнего дня.

<http://bllate.org/book/18254/2106170>